

Искусств. - 2002. - Апрель. - с. 10.

Дело, которому он служил

Исполнилось 90 лет со дня рождения писателя и сценариста Юрия Германа

Юрий БОГОМОЛОВ

Он ярко начал. Его роман «Наши знакомые», написанный в 1936 году, выдержал несколько изданий. Слава талантливого прозаика почти сразу же была преумножена кинематографом. В том же году выходит на экраны фильм, снятый по его сценарию Сергеем Герасимовым, — «Семеро смелых». Еще до войны появился фильм «Доктор Калюжный», поставленный Эрастом Гаринным.

С его именем в значительной степени связана кинематографическая оттепель. По крайней мере, в Ленинграде. На «Ленфильме» режиссер Иосиф Хейфиц поставил сразу два весенних (по настроению) фильма — «Дело Румянцева» (1956) и «Дорогой мой человек» (1958). Первый — по оригинальному сценарию Германа. Второй по его роману — «Дело, которому ты служишь».

Дело, которому служил Юрий Герман, была литература во славу душевной солидарности наших знакомых, которые неизменно становились его героями.

Надо сказать, что вся проза Юрия Германа независимо от го-

да, которым датировалась та или иная его книга, в любую погоду на дворе и в стране, в том числе и в лютую стужу, была оттепльной по характеру в силу писательского и человеческого таланта автора.

Он умер рано, в 1967 году, не перешагнув 60-летия, не увидев снятые его сыном Алексеем Германом картины «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин» — лучшие экранизации своей прозы.

Но драма художнического дара Юрия Германа в другом. Дело социализма, которому он служил, оказалось слишком краткосрочным.

Маяковский однажды признался: сердцем не дожил до апреля.

Талантливейшие советские поэты и писатели сердцем не пережили весны. Их уделом была долгая зима и толика ранней весны.

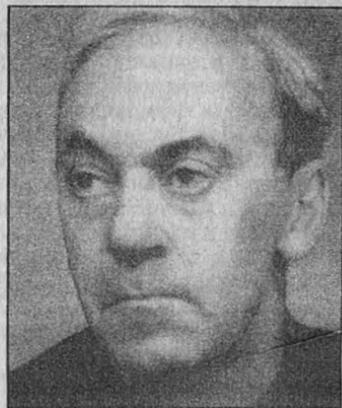
Советский писатель, особенно если он незауряден, как Герман или как Олеша, — фигура трагическая. Соцреалист почти неизбежно становится соцреалистом и на этом попрание быстро исчерпывает себя. Но редко признается, «что сей избыточной мечты и на полжизни не хватило».

Герман признался, вставив эту строчку из Блока в эпиграф своего самого сердечного сочинения — романа «Наши знакомые». Вернее, догадался, потому что тогда ему не было и тридцати.

Тогда же и там же устами одного из героев он сказал о вреде вечной жизни на Земле: «Нам, смертным, все мило, потому что проходим, если бы же вдруг отыскался секрет бессмертия, все сделалось бы постоянным и, следовательно, несносным». И еще: «Всякая смерть забывается людьми, будто она суждена только покойникам, а не живущим».

Сказано почти по-чеховски. Даром что фамилия у героя чеховская — Дорн. И профессия чеховская — врач.

Про него в 1955 году Евгений Шварц (человек строгий) записал в «Телефонной книжке»: «Это явление настолько сложное, а клубок представлений и чувств, вызываемых им, так запутан, что распутывать больно... Одарен он необыкновенно, определился и вошел в силу рано. Сейчас постарел и отяжелел, тоже преждевременно. Но силу не потерял. Писать мог бы сильнее, чем начал. Но ему много надо. Он страстно

Юрий Герман

любит жить. И теряет голову от этой страсти. И все же ссорясь с ним, никогда я не мог осудить его до конца. Он очень уж талантлив».

Вслед за чеховским ядед Ванеем Юрием Герман мог подействовать в конце жизни, что не стал Шопенгауэром. Талант был огромным, но жизни не хватило, чтобы пережить советскую власть. И не только в физическом отношении, но и в мировоззренческом.

Тот же Шварц, рискнувший запечатлеть своих друзей в «Телефонной книжке», так объяснил свою задумку: «Мне страшно, что все, что сейчас шумит и живет вокруг, умрет и никто их и словом не помянет — живущих».

Помянем жившего. Юрию Герману сегодня исполнилось бы 90 лет.